

Глава 2

РЕФОРМАТОР

Иван Васильевич вошел в брачный возраст. Источники того времени рисуют его молодым человеком, рано повзрослевшим и еще в юношеские годы вымахавшим с коломенскую версту. Позднее, видимо, он несколько растолстеет. Более поздний источник сообщает о государе в зрелом возрасте следующее: «царь Иван образом нелепым (не отличался красотой), очи имел серы, нос протягновенен и покляп (изогнут), возрастом (ростом) велик был, сухо тело имел, плещи высоки имел, грудь широкою, мышцы толсты». Что же касается внешнего благообразия, то оно, вероятно, было подпорчено дурной привычкой скоро и бурно впадать в ярость, каковую государь приобрел на закате жизни. Когда он был молод, его считали красивым.

В январе 1547 года Иван Васильевич венчался на царство. Царским титулом именовал себя в дипломатических документах его дед, Иван III. Но официальное принятие его было и серьезной реформой, поскольку поднимало московского государя выше всех его западных соседей⁴⁵, и серьезным шагом в укреплении позиций лично Ивана IV. Более того, «книжные люди» того времени понимали: на их глазах происходит перенос византийского политического наследия на Русь. В Москве появляется новый «удерживающий», чье место на протяжении века, после падения Константинополя, пустовало. Политика соединялась с христианской мистикой — «удерживающий» или «катехон» предотвращает окончательное падение мира в бездну,

к полному развращению и отходу от заповедей. Если нет его, значит, либо должен появиться новый, либо Страшный суд близится, а вместе с ним и конец старого мира. Таким образом, на плечи молодого человека свалился тяжкий, поистине неподъемный груз.

За этим преобразованием видится и мудрость св. Макария, короновавшего молодого монарха, и острый ум князей Глинских. Церемония венчания прошла с большой пышностью в кремлевском Успенском соборе. Через несколько дней государь выехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь⁴⁶.

В том же году Иван Васильевич женился на Анастасии Захарьиной-Юрьевой, происходившей из древнего боярского рода, который даст впоследствии Московскому государству династию Романовых. Многочисленные источники, в том числе и тексты, исходящие от самого государя, свидетельствуют о глубоком и нежном чувстве, которое испытывал этот человек к своей жене. Обретя любимого человека, государь также нашел сильных союзников в лице богатой и влиятельной семьи Захарьиных-Юрьевых. Нельзя сказать, чтобы свадьба и венчание на царство моментально исправили характер Ивана IV⁴⁷. Но они способствовали этому. Государь до тех пор был юношей у власти — без твердого определения, кто он есть по отношению к своей же аристократии, по каким образцам должна строиться его жизнь, что в ней будет играть роль непреложных законов, а чему уготована судьба маргиналий на полях биографии. Принятие царского титула и женитьба мощно встроили его в социальный механизм Русской цивилизации. Ивану Васильевичу фактически предложили роль на всю жизнь — роль христианского государя, в перспективе — светского главы православного мира, да и главы собственной семьи, человека, стоящего недосыгаемо высоко по сравнению со всеми знатными родами страны. Это положение возвышает необыкновенно, и в то же время оно налагает значительные

ограничения на монарха, — на его образ жизни и даже на его образ мыслей. На протяжении нескольких лет молодой государь приносил Церкви покаяние за прежнее беспутство⁴⁸ и «вращал» в свою роль. В середине 1550-х, по отзывам нескольких независимых источников иностранного происхождения, Иван Васильевич выглядел как человек, идеально ей соответствующий. Один итальянский дипломат оставил весьма привлекательный его портрет: «...Князь и великий император по имени Иван Васильевич имеет от роду 27 лет, красив собою, очень умен и великодушен. За исключительные качества своей души, за любовь к своим подданным и великие дела, совершенные им со славою в короткое время, достоин он встать наряду со всеми другими государями нашего времени, если только не превосходит их... Император руководствуется своими несложными законами, по которым он с величайшей справедливостью царствует и управляет всем государством... Император за просто разговаривает и обращается со всеми; он обедает со всеми вельможами всенародно, но с истинным благородством: с царским величием он соединяет приветливость и человечность».

Укрепиться в этой роли заставил его страшный московский бунт 1547 года. 12 апреля, 20 и 21 апреля в Москве вспыхивали большие пожары. Последний из них приобрел катастрофический масштаб. Рвались пороховые погреба, пылали церкви, падали колокола, были объаты пламенем Пушечный двор, Оружейная палата, Постельная палата, Казенный двор, царская конюшня и добрая половина города... Митрополита Макария попытались спустить из крепостного тайника на веревках к Москве-реке. Но возжи оборвались, и митрополит, ударившись оземь, чуть не отдал Богу душу. В огне погибло 1700 москвичей. Царь, к счастью, пребывал под городом в селе Воробьево и не пострадал. Это бедствие, не случавшееся в Москве ни разу на памяти современников, воспринято было как Божья кара

за грехи и, в частности, «беззакония». По всей видимости, партия Шуйских попыталась использовать последний шанс на восстановление своего политического лидерства и спровоцировала посадских людей на страшный, бессмысленный, разрушительный мятеж. Этот бунт острием своим был направлен на группировку, поддерживавшую царя, в частности Глинских, которых вовремя пущенные слухи обвиняли в колдовстве и беззакониях.

Летопись рассказывает о мятеже лапидарно, без особых цветов красноречия: «Черные люди града Москвы от великие скорби пожарные восколебашася, яко юроди, и пришедше в град и на площади убиша камением царева великого князя боярина князя Юрья Василиевича Глинского и детей боярских многих побиша, и живот князей розграбиша, рекуще безумием своим, яко «вашим зажиганием дворы наши и животы погореша. Царь... повелел тех людей имати и казнити; они же мнози разбегошася по иным градом»⁴⁹. Иван Васильевич пережил смертный ужас: к нему в Воробьево явилась бунтовская чернь и потребовала выдать главную колдунью княгиню Анну Глинскую, да и ее сына князя Михаила Васильевича Глинского, оставшегося главой рода. Недалеко было и до того, что руки мятежников потянутся и к государеву горлу... Впоследствии царь станет с ужасом вспоминать события 1547 года: «...вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой, и умилися, и познах свои согрешения»⁵⁰ Иван Васильевич получил представление о том, как страшна может быть народная стихия, как дорого может обойтись любой неверный ход монарха.

Страна в ту пору управлялась сложно и пестро. Каждая область имела собственные административные и правовые обычаи. «Церковная область», рассыпанная по всей державе, управлялась по особым законам и правилам. Служилая знать получала в «кормление» доходы от административной деятельности на местах, занимая должности по очереди, на сравнительно короткий срок. Чаще всего на год. Следо-

вательно, эти доходы распределялись неравномерно, — в зависимости от силы и слабости аристократических партий, способных реже/чаще продвинуть на кормление своих людей. А люди, получавшие должности как разновидность жалования, отличались большими или меньшими способностями к работе, которую им вменялось в обязанности выполнять... Государственное устройство России было отмечено многочисленными следами политической раздробленности, т.е. суверенного положения разных земель, позднее вошедших в состав Московского царства. Военно-служилый класс отлично помнил те времена и ностальгировал по самовластию и независимости удельной старины. Центральное управление не успевало за все нарастающим валом задач, возникающих на колоссальной территории. Ведь размеры страны увеличились в несколько раз по сравнению с началом правления Ивана III!

Не существовало даже единого для всей России пантеона святых...

Административной структуре, правовой сфере и церковному устройству требовались реформы. В 30-х — первой половине 40-х годов преобразованиям уделялось мало внимания. Борьба за власть пожирала творческие силы политической элиты. В активе того периода — лишь денежная реформа Елены Глинской. Ко второй половине 1540-х проблем накопилось выше крыши...

После венчания государя наступает период, благоприятный для реформаторства. У кормила власти стоят все те же аристократические кланы, но среди них нет первенствующей партии. Иными словами, наступило примирение могущественнейших людей России, они договорились между собой о более или менее равномерном распределении власти. Число «думных людей» возросло. Государь уже не являлся мальчишкой, которым нетрудно помыкать, теперь он мог выполнять роль арбитра и влиять на политический курс в желательном для себя направлении; однако сово-

купной силе нашей аристократии Иван Васильевич мало что может противопоставить⁵¹. Поэтому внутреннюю политику формулирует в конечном итоге не он. Формальное примирение между ним и его недоброжелателями происходит в 1549 году: царь публично снимает с них вину за прежние злоупотребления. На митрополичьей кафедре стоит человек государственного ума, великого милосердия и обширных знаний — св. Макарий.

В ходе реформаторской деятельности образуется... нечто, впоследствии поименованное князем Андреем Михайловичем Курбским как «Избранная рада»⁵². На протяжении поколений лет историки спорят, чем она являлась — постоянно действующим административным органом, политическим клубом, Ближней думой, группой теснейших сотрудников царя? Не так давно вышла книжка, автор которой вообще отрицал существование Избранной рады⁵³.

По всей видимости, Избранная рада была чем-то вроде политического кружка, работавшего при Александре I в начальные годы его правления. С той лишь разницей, что деятельность Избранной рады оказалась намного результативнее. В ее состав, помимо самого государя, входили: окольный Алексей Федорович Адашев⁵⁴, священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, боярин князь Дмитрий Иванович Курлятев, возможно, митрополит Макарий. Что касается других политических деятелей того времени, то их присутствие в составе кружка менее вероятно. Однако, поскольку ни в летописи, ни в каких-либо архивных комплексах работа Избранной рады не отражена, о ее функционировании и о ее составе больше приходится гадать, чем делать выводы на устойчивой информационной основе.

Вероятно, Избранная рада играла роль политического консультативного совета, а также «буфера» между государем, аристократическими партиями и Церковью. Здесь согласовывались позиции по важнейшим вопросам внутренней политики и рождались окончательные формули-

ровки административных решений. Но реальной властью наделена была все же не Избранная рада, а Боярская дума и государь.

Итак, государь и боярское правительство, используя в качестве инструмента Избранную раду, провели ряд серьезных реформ.

Были отменены кормления, и на их место пришел сбор «кормленного окупа», т.е. денежных средств, которые потом распределялись казной между представителями военно-служилого класса⁵⁵. На местах ограничена была власть наместников и волостелей — администраторов, присылаемых из Москвы; значительная часть их прерогатив перешла к выборным должностным лицам: изблюбленным головам, земским и губным старостам⁵⁶. Они теперь занимались оперативной работой, следствием и судом по воровским, разбойным делам и прочей уголовщине⁵⁷, а также урегулированием поземельных дел.

Казенные денежные сборы возросли. Представители знати и монастыри, освобожденные от уплаты государственных налогов и пошлин так называемыми тарханскими грамотами, утратили эту льготу (хотя и не повсеместно). Специальным уложением о службе определялось следующее: служилые люди обязаны приходить на воинские смотры «конны, людны, оружны», а количество бойцов, которых они обязаны были выставлять, рассчитывалось по строго установленным нормам в зависимости от размеров их земельных владений.

Сформировалась стройная система центральных ведомств. Их тогда называли «избами» («Поместная изба», «Челобитенная изба», «Разбойная изба») или приказами. Умножилось количество «приказных людей» (грамотных профессиональных чиновников) — дьяков и подьячих.

В 1550 году вступил в силу новый Судебник, заменивший своего «предшественника» — маленький Судебник 1497 года: тот содержал целый ряд устаревших за полсто-

летия норм. Новый свод общерусских законов оказался значительно обширнее. Он является аналогом современного уголовно-процессуального кодекса, но помимо этого содержит ряд важных норм по другим отраслям права⁵⁸. Многие области Московского государства получили территориальные своды законов — «уставные грамоты»⁵⁹. Приказные органы того времени работали в соответствии со специальными инструкциями, по значению и составу своему соответствующими современным профильным «кодексам». Известен, например, подобного рода документ, специально разработанный для Разбойного приказа. Он представляет собой аналог значительной части уголовного кодекса в современном понимании.

Церковь, ведомая св. Макарием, создала Великие Минеи Четьи, т.е. тот самый общерусский пантеон святых, а на соборе 1551 года одобрила «Стоглав» — важнейший универсальный сборник, содержащий юридические, нравственные, вероисповедные и административные нормы. В нем же декларировалось исключительно важное для истории русского просвещения решение учредить по городам «книжные училища»⁶⁰. На протяжении нескольких десятилетий московские митрополиты вели с правительственными кругами полемику о церковном землевладении. Государство всячески стремилось ограничить его, а еще того лучше — реквизировать владения архиерейских домов и монашеских обителей. Напротив, Церковь желала сохранить и приумножить свое достояние. В 1551 году удалось прийти к приемлемому компромиссу: выходу поместий и вотчин из «службы» в пользу монастырей и архиереев были поставлены жесткие ограничения⁶¹. В честь казанской победы 1552 года был воздвигнут великолепный Покровский собор⁶², более известный нашим современникам в качестве храма Василия Блаженного.

Это была великая по объему работа, и она была выполнена в необычайно короткий срок. Всего-то за десятиле-

тие! Ко второй половине 1550-х годов главное реформаторам удалось завершить. Административно-политическая структура державы обрела черты устойчивости и здоровой унификации.

Можно сказать, при Иване III Старая Русь очищалась в плавильном горне, вытекая оттуда чистым металлом России, а при Иване IV Россия отливалась в конкретные формы государственного бытия.

В марте 1553 года царь слег с тяжелой болезнью, от которой не чаял оправиться. Он пишет завещание и велит привести к присяге царевичу Дмитрию Ивановичу бояр, а также князя Владимира Андреевича Старицкого. Большинство не изъявило воли к сопротивлению, некоторые сказались хворыми, но Старицкие не торопились повиноваться. Некоторые вельможи (князь Д.Ф. Палецкий, князь Д.И. Курлятев, казначей Н.А. Фуников-Карцов⁶³) начали с ними переговоры. В них явственно звучало предположение, что новым государем будет не малолетний Дмитрий Иванович, а Владимир Андреевич. Сильвестр также пытался помочь Старицким. Князь И.М. Шуйский, а также окольничий Ф.Г. Адашев затеяли настоящий скандал. «И бысть мятеж велик и шум, и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленочнику служитьи»⁶⁴. Сторонники и противники принятия присяги «бранились жестоко». Оказалось, что противников принесения присяги мальчику не столь уж мало... Сам царь с ложа болезни принялся воодушевлять верных ему людей. Оробевшим Захарьиным-Юрьевым, прямой родне царевича Дмитрия, он бросил: «А вы... чего испужались? Али чаете, бояре вас пощадят? вы от бояр первые мертвецы будете! и вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание бояром не отдали!» Князя Владимира Андреевича пришлось принуждать к целованию креста, угрожая применением силы...

В конце концов государь выздоровел, и вопрос о присяге на верность маленькому Дмитрию потерял актуаль-

ность. Но «боярский мятеж» показал Ивану Васильевичу в очередной раз, сколь зыбко его положение и сколь мало у него возможностей в случае скорой кончины обеспечить достойную судьбу своей семье. Он него отошли доверенные люди, знать вновь принялась прикидывать, как бы переделить власть в отсутствие сильного монарха. Казалось бы, мощная партия сторонников царя позволяла ему питать добрую надежду на будущее. Но как знать, не была ли верность этих людей знаком тонкого расчета: ведь у Старицких были свои приоритеты, и не всем при их владычестве достался бы чаемый кус. А попечение о благе очередного царя-мальчика давало богатые возможности... Запахло вторым изданием «Шуйского царства». Та же Избранная рада не проявила особенной лояльности, скорее напротив. И, видимо, царь не очень понимал, как ему дальше строить отношения с аристократическими «столпами державы», с Боярской думой...

Вскоре после событий, связанных с болезнью Ивана Васильевича, государь отправляется в длительную поездку по иноческим обителям. Там он получал разного рода советы от церковных деятелей, обладавших незаурядным духовным авторитетом. Среди них — преподобный Максим Грек (Михаил Триволис) и видный иосифлянин Вассиан Топорков, лишившийся архиерейской кафедры в годы «Шуйского царства». Князь А.М. Курбский впоследствии прокомментировал эту встречу бранными словами, назвав Вассиана Топоркова «сыном дьявола» и обвинив его в дурных советах, поданных царю. С точки зрения беглого князя, именно они разрушили взаимопонимание Ивана Васильевича и Избранной рады⁶⁵. Разумеется, Андрей Михайлович, как и многие аристократы того времени, склонялся к нестяжательскому лагерю Русской Церкви. Еще бы! Домовитые сторонники преподобного Иосифа Волоцкого стерегли пуще глаза колоссальные земельные угодья Церкви — лакомый кус для знати! — в то время как нестяжатели готовы были с ними

расстаться. Конечно, Курбский и не мог иначе отнестись к рекомендациям, поданным государю *в духе укрепления его, монаршей, власти*. За счет кого ее можно укрепить? Только за счет той же служилой аристократии, не очень-то допускавшей царя к делам правления. Влияние на Ивана Васильевича стяжателей (хотя бы того же Вассиана Топоркова), неуютно чувствовавших себя рядом с боярской вольницей, весьма возможно. В те годы их поддержка могла воодушевлять царя.

На протяжении второй половины 40-х — середины 50-х годов наша аристократия сделала немало полезного для страны. Низкий ей поклон. Но и возжелала увековечить правящее свое положение на веки вечные, а этого уже не требовалось никому, кроме нее самой. Рано или поздно подобное положение дел должно было привести к очередному острому конфликту с государем. Так и вышло — когда стали обсуждаться перспективы активной внешней политики⁶⁶. Иван Васильевич вошел в противоречие с прежними ближайшими советниками и настоял на своем. Какие рычаги он при этом использовал, не вполне понятно. Возможно, создал партию своих сторонников из числа аристократов, одобрявших курс на активизацию усилий в западном направлении⁶⁷. Во второй половине 50-х годов XVI столетия, в связи с подготовкой и началом Ливонской войны, он выходит из-под контроля аристократического правительства, преодолевает авторитет Избранной рады и начинает проводить достаточно самостоятельный курс. Несколько лет спустя прежние лидеры Избранной рады оказываются в опале и сходят с арены большой политики.

Воля царя, прежде стесненная, теперь освобождается от ограничений и стремится к самовластию.

Отношения государя Ивана Васильевича с верхушкой военно-служилого класса *никогда* на протяжении всего периода его правления не были идиллическими. До середины 1540-х годов он вообще мало значил в делах правления — по

малолетству и неискушенности. Конец 40-х — 50-е — время неустойчивого, но плодотворного для всей страны компромисса. Аристократы кое-чем поступились в пользу царя и кое в чем договорились между собой. Политические и материальные приоритеты у старомосковской знати за все это время ничуть не изменились, память разнузданных лет «Шуйского царства» была свежа и грозила рецидивом — при первом же удобном случае. Государь научился сдерживать свой крайне эмоциональный, своевольный и бурный характер, возжелал потрудиться на благо державы, однако тепла в его общении со знатью увидеть невозможно... Видимо, в ту пору очень большую роль играл авторитет Церкви. Именно он был скрепляющим материалом для всей этой конструкции, пребывавшей в динамическом равновесии. За многими реформами — прямо или косвенно — видится подвижническая фигура св. Макария. Вероятно, его пастырское рвение сыграло роль главного фактора, сдерживавшего страсти и направлявшего хаотические выплески молодой нации в русло правильного общественного строительства.

В первой половине 1560-х прежние деятели, составлявшие «буферную» группу Избранной рады, уходят в тень, государь стремится усилить свою власть, и успехи первых лет войны за Ливонию как будто способствуют этому... Но именно тогда происходит несколько событий, пошатнувших Русский дом, до тех пор стоявший крепко волей Божьей и стараниями св. Макария. Во-первых, умирает первая жена Ивана IV, Анастасия Захарьина-Юрьева (1560)⁶⁸, и на ее место рядом с царем быстро приходит Мария Темрюковна Черкасская, кавказская княжна, для которой собственно русский политический узор был делом не особенно интересным. Видимо, ей не удалось поддержать в царе ощущение ответственности за семью и за Большую семью — всю Россию... Уходит к Господу и сам митрополит Макарий (1563). Военные успехи сменяются неудачами. Жесткость царя и непокорство знати усиливаются, взаимно питая друг друга.

1564 год. Страна пребывает в шаге от опричной бездны.